

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОФЕ и ПЕРЕЦ	II
КРОВЬ и КОФЕ	57
История господина Халиля	71
ПЕРЕЦ и КОФЕ	112
КРОВЬ и ПЕРЕЦ	
История любви Анаит и Бюзанда	130
ПЕРЕЦ и КОФЕ (продолжение)	145
ПЕРЕЦ и КРОВЬ	153
КОФЕ и КРОВЬ	189

Не знаю, что является сутью других земель, — я ведь нигде не был, но моя родина имеет в своей основе тройственность — кофе, перец и кровь.

Здесь у них нет ни объема, ни массы, ни протяженности, словом, всего того, что свойственно материи. Хотя вру — вот плотность, пожалуй, есть. В том смысле, что они, то уплотняясь, то вновь разрежаясь, как бы придают местному времени вещественность, вкусом и запахом пропитывая эпохи и минуты послеобеденного сна.

Кофе состоит из круглых атомов, которые, смешиваясь с водой, превращают обычную темноту в густую ночь перед самым новолунием. Тьма окутывает тебя, тяжелит веки, делает слова значительными и неспешными — кто вообще решил, что кофе бодрит? Он что, никогда не пил кофе

в горячем мареве, смягченном — да и то лишь слегка — полотняной тенью улицы Банщиков?

А перец... Кто отважится провести по перечной доске широким влажным языком, тот немало удивлен будет. Ведь после огня придет сладость. И продержится ровно столько, сколько времени нужно слезе, чтобы омыть глаз. А потом, сквозь слезы, почувствует смельчак и послевкусие, голодное и злое. И увидит, как караван кораблей, груженных жгучим перцем, тонет у самого берега и целый день радует нищих старух обильным уловом рыбы, славно просоленной и перченной, как надо. Но потом рыба надолго уйдет отсюда... Уже кости тех старух, что собирали по берегу перечную рыбу, истлеют, а рыба так и не вернется. Пока однажды не принесут люди жертву морю, сверх меры наполнив его своей кровью и кровью тех, кто живет на ближайших островах. Тогда-то рыбаки заново осмолят лодки, зачinyт сети и вернуться домой только под утро, усталые и счастливые. Их жены найдут в желудках рыб тяжелые пули и отдадут их сыновьям, чтобы те играли.

Любой вам скажет, что кофе, кровь и перец, будучи взятыми попарно, дадут три сочетания. Ска-

жет и будет прав. Но если он хоть немного знаком с поварским искусством, то отринет закон о неизменности суммы в результате перестановки слагаемых и найдет еще три возможности. Ведь мы-то, повара, знаем, что в каждом блюде важно то, в каком порядке следуют ингредиенты. Вот поэтому-то сочетаний будет шесть.

И я выберу свое — кофе и перец.

От крови я отрекся пятьдесят лет назад, в последний раз сойдя на берег в качестве судового кока. Море в тот день было похоже на старика, мучимого густой мокротой. Оно отхаркнуло меня, как многих, застрявших в нем своими нелепыми, развороченными телами. Захлебываясь волнами, как приступами кашля, ругалось море шепотом на нас, на испуганных чаек, на вонючую маслянистую жидкость, вытекавшую из тонущего корабля... Море с отвращением сплевывало все это на землю, нарочно метя в скалы, и утирало щербатый рот просоленным рукавом. Из всей команды славного фрегата «Кисмет» только я не разбился о камни. И ныне, перерезая сонную артерию животного — а ведь я мужчина, и мне приходится делать это в праздник жертвопри-

ДАНИЭЛЬ БЕРГЕР

ношения, — я благодарю Аллаха, Милостивого и Милосердного, за то, что дернувшеся под моим ножом животное не пело ангельским голосом колыбельных своим детенышам. Слава Аллаху, Милостивому и Милосердному! Слава Аллаху!

КОФЕ И ПЕРЕЦ

Я счастливый человек. Даже сейчас, когда среди седых волос темные стали попадаться все реже и больные суставы порой совсем не слушаются, а спина к вечеру ноет так, что, будь я собакой, завыл бы... Даже сейчас.

Мои сны полны счастья. В них нет ни боли, ни печали, ни уныния, а сомнения, если и прокрадываются ко мне в сон, касаются только приятной возможности выбора. И тогда я, по словам жены, шевелю губами и восторженно поднимаю брови. Там, во сне, я решаю, что подам на стол сегодня.

И едва решу, как сразу же сновидение наполняется в избытке всем, что потребно для главного блюда этой ночи. И продукты всегда высшего качества, будь то мраморная, с тончай-

шим рисунком белой кисти по алому полотну, говядина или живой еще, шевелящий, подобно мне, губами крупный паламут. Валяются откуда-то на стол перцы, краснобокие и полнотелые, баклажаны, блестящие и черные, поскрипывающие от спелости, сладкий лук сам падает под нож.

Щеку обжигает жар от печи. Она ждет, утроба ненасытная, когда я разделю с ней свою любовь. Да, пусть зарокком будущего счастья будет запах, источаемый ею, чуть горьковатый запах можжевельника.

А я пока займусь соусом. Чем еще насытить душу, возжелавшую красного мяса из жаркой печи? Может быть, сырым томатным соусом? Мелко рублю — нож сечет нежную мякоть, едва касаясь доски. Все эти ваши блендеры-шмендеры, Иблис отец им! Нет, вот нож возьми из хорошей стали и заточи его! И вот уже красная гора увенчана пряной зеленью, а склоны ее сияют частыми кристаллами соли. И соль впивается в томатное тело, вытягивая из него на поверхность сок.

Я замираю. Предчувствие не слаще ли наслаждения?.. Исчезают цвета и звуки. Даже запах, первый помощник повара, скромно уступает до-

рогу вкусу. Но спите, правоверные, все спокойно! Спите.

Проснувшись, я могу на мгновение удержать в памяти ниспосланный мне вкус. Он становится все слабее, рассеянное, в то время как разум, наоборот, проясняется. Наконец я открываю глаза, переворачиваюсь на левый бок и, нащупав мягкое горячее бедро жены, говорю: «Доброе утро, Танели! Что прячешь ты от меня в тайнике под холмом?»

«Зайди, — говорит Танели. — И сам посмотри, Хозяин моих холмов и пещер. Если что найдешь, знай — это твое. Никогда не будет во мне ничего от другого мужчины!»

Так мы здороваемся с моей Танели каждое утро вот уже сорок лет, и никогда не надоест нам это.

Потом я пью кофе. Кофе с перцем.

Помню, как в школе учитель рисовал на доске треугольники, круги, писал какие-то цифры и формулы. Формулы надо было знать наизусть, чтобы потом подставлять числа вместо букв и таким образом получать новые числа. Зачем? Нам не объясняли, но во мне тогда поселилась мысль, что без этих формул не сможет прорасти колос,

не будут крутиться колеса арбы, а земля — она ведь такая же, как глобус, только большая — слетит с удерживающего ее стержня и разобьется о небесную твердь.

Поэтому простой веры учителю мне было мало. Как можно сослаться в таком важном вопросе на каких-то греков, которые придумали все эти штуки и заставили остальных жить по своим правилам? Ужасно несправедливым казалось мне подчиняться грекам, тем более умершим так давно, что даже моя бабушка не помнила никого из них по имени.

И как-то раз я решил проверить самый невероятный и загадочный из всех известных мне тогда фокусов, а именно постоянство соотношения длины окружности и ее радиуса. Первым делом я вытащил из своего ботинка шнурок и привязал его к спичке, чтобы начертить круг. Потом я долго пылил по песку пяткой, рисуя все новые и новые круги — с помощью шнурка, рукава от рубашки и длинного седого волоса с головы моей бабушки. Результат измерения всякий раз подтверждал правоту ненавистных мне греков, а число π — со своими девятнадцатью известными учителю знаками после запятой и, по сло-

вам учебника, бесконечным рядом цифр после тех первых девятнадцати — не давало покоя.

Зачем Имеющему знание о каждой капле дождя и о каждой песчинке в море создавать число, знаки в котором сосчитать не под силу даже Ему? Или Он знает всё число целиком, и только нам оно недоступно? Но зачем тогда Он сокрыл его от нас? Может быть, на том конце π , после девятнадцати и еще плюс бесконечности знаков, восседает Он на престоле Своем?

Чтобы узнать это наверняка, я впервые в жизни зашел в библиотеку, и попросил книгу с числом π , и увидел в многоточии на конце длинного ряда цифр дорогу, уходящую прямо к звездному небу, и различил я в этом небе все 99 имен Аллаха.

Я спросил библиотекаря, почему люди не ищут новых цифр дальше, там, за многоточием, и он ответил, что в реальной жизни хватает и двух знаков, а значит, и искать дальше незачем, и печатать их — только бумагу зря переводить!

«Нет уж, — подумал я. — Разве может быть ненужной тропа, которая ведет к престолу Всевышнего? Так ли уж важно высчитывать, сколько яблок есть у Фатиха, если у Орхана их семь, и это в три раза меньше, чем у брата его Фатиха? Разве не должны оба они, Фатих и Орхан, выбросить

яблоки и отправиться туда, где за пределами длинного ряда цифр, за воротами из трех точек их ждет Тот, у кого истинное величие и все совершенные качества?»

На следующий день, когда учитель спросил меня, сколько яблок осталось в корзине, из которой Фатих и Орхан взяли свои яблоки, я сказал, что не хочу ничего об этом знать, потому что пока эти два дураля объедались яблоками, их мать перебрала корзину и выбросила из нее подгнившие, а оставшиеся продала, не считая, все скопом на базаре, и только одно укатилось, и поэтому его склевал петух, но так как это было незрелое яблоко, он тут же заболел и умер, и даже сварить его теперь нельзя. Учитель побил меня линейкой и выгнал из школы. Бабушка немного поворчала, погоревала и отправила в город помогать дяде в кафе.

И теперь я по утрам прибежал на базар в овощной ряд, где торговцы еще только доставали из тележек свой товар и, наспех отобрав плоды с чуть потемневшими бочками, отдавали мне их за бесценок. Тяжело груженный овощами, я возвращался открывать заведение, разводить огонь и кипятить воду.

Однажды дядя серьезно заболел. Тетя полдня металась между кухней и столиками, пока не решилась, наконец, сосредоточиться на готовке и доверить мне обслуживание клиентов.

Теперь я должен был быстро посчитать, на сколько наши посетители съели и выпили, принять у них деньги и, найдя разницу, вынести им сдачу. Но ведь ум мой тогда был занят не сотней курушей, а таинственными бесконечными тропами, ведущими к престолу Всевышнего. И я раздумывал, как же случилось так, что люди стали пользоваться не божественными числами, а презренными круглыми двойками, десятками, сотнями и так далее? Скажете, что иначе и овец в своем стаде не посчитаешь? А я отвечаю — и не стоит их считать. Для всего было бы две меры — достаточно и нет. И тогда мужчины, встречаясь в кафе, говорили бы так: сколько у тебя овец, брат мой? Достаточно? О, как радуют слова твои сердце мое! А сколько у вас, уважаемый? Их вовсе нет? Так возьмите от полноты нашей ярок и барашков, чтобы и вы могли радоваться нас достатком! И да умножит Всеблаготельный стада наши...

— *Эй, мальчик, сколько с нас?*

— *Две с половиной лиры, господин.*

Но нет, нет. Иблис, бросающий в душу семена гордыни, наверняка опять выкрутится и обратит бесконечность на потеху себе. Вот, скажем, два друга, равные по уму, красоте и талантам, захотят сравняться и в мерах соли, что в доме у каждого. И, отчаявшись прикладывать крупинку к крупинке, — а как иначе исчислить разницу? — призовут Нечестивого в помощь. И тот придет, вооруженный абаком, и, пощелкав костяшками, убедится, что и соли у тех друзей отмерено поровну. Но, упорный в своих планах, он скажет им: «Я нашел, что у Кемрана в доме соли больше, чем у Салиха!»

И когда Кемран поблагодарит за помощь и попросит разделить соль поровну с другом его, этот лжец ответит ему так: «Я не могу отделить излишек соли в доме твоём, ведь он меньше наименьшего числа во Вселенной...

— Ты чего задумался, парень? Принеси-ка мне сдачу, я тороплюсь.

— Да, господин, сейчас!

...меньше, чем число, спрятавшееся за таким длинным рядом нулей, что их количество, наоборот, превышает наибольшее число во Вселенной! Нет, Кемран, я не могу сравнить соль между вами». Сказав это, Иблис уйдет, посмеиваясь.